

Психологическое насилие в системе педагогического взаимодействия: трудности идентификации

Т. Е. ЯЦЕНКО

Барановичский государственный университет

Школа – второй по значимости после семьи социальный институт, участвующий в формировании личности ребенка. Влияние данного института не является однозначно позитивным. Широкий спектр негативных последствий насильственного характера взаимодействия учителя с учащимися детально описан в психологических исследованиях: дидактогенные неврозы, психосоматические заболевания, виктимность личности, снижение мотивации учения, негативная Я-концепция учащихся.

Однако существует трудность идентификации психологического насилия в педагогическом взаимодействии, осложняющая изучение данного феномена, что связано, на наш взгляд, с рядом причин.

Прежде всего, в отличие от физического насилия, психологическое насилие не имеет явных внешних последствий. Многие учителя, согласно В.П. Шейну, используют манипуляцию как скрытую форму психологического насилия над школьниками, маскируя ее социально приемлемыми мотивами [2].

Кроме того, в общественном сознании учитель изначально наделен авторитетом роли, что выражается в иррациональных убеждениях вида «учитель заслуживает уважения только потому, что он учитель», «учителя не могут говорить глупости или быть виноватыми». В результате любое воздействие учителей рассматривается как осуществляемое в интересах развития личности учащегося.

Сложность отнесения воздействий учителя к психологическому насилию связана с тем, что само психологическое насилие заложено в технологию традиционного обучения. Это находит выражение в формализме требования «надо», стигматизации учеников, первостепенном значении контролирующей функции учителя, постоянных угрозах снижения отметки или дискредитации в глазах родителей и сверстников, культивировании чувства страха у школьников. Данная причина наряду с низким уровнем психологической культуры учителей приводит к рассмотрению ими психологического насилия как эффективной меры дисциплинарного и стимулирующего воздействия. Психолог Г. Фигдора считает, что насилие в школе провоцируется редуccionью социальных отношений: ориентация на формирование ригидного характера у школьников.

Согласно Л. Глейзер, формы психологически жестокого обращения с детьми должны быть отнесены к психологическому насилию независимо от того, считает или не считает сам ребенок себя жертвой насилия. Поясним основания данной точки зрения [1, с. 189].

Жестокое обращение часто становится составной частью педагогического взаимодействия. Учащиеся начинают рассматривать психологическое насилие как неизбежную составляющую своей жизни, то есть происходит «сверхинтеграция» переживаний, связанных с жестоким обращением, в свою жизнь [4].

Учащиеся, особенно младшие школьники, еще личностно и социально незрелые и не обладают даже минимальным объемом знаний о психологическом насилии, поэтому им сложно адекватно оценить происходящее в системе педагогического взаимодействия. Кроме того, у многих из них сформировано убеждение, что некоторые проявления психологиче-

ского насилия – часть социально приемлемого поведения взрослых. Подобная иррациональность представлений в большей степени характерна для школьников, длительно переживающих психологическое насилие со стороны родителей, и для школьников, чьи родители чрезмерно озабочены авторитетом семьи, что обуславливает снижение уровня их критичности в отношении насильственных действий педагогов.

Согласно S. Harter, чем более близкие и зависимые отношения связывают ребенка со взрослым-агрессором, тем сложнее ребенку адекватно оценить ситуацию [5]. В большей степени это характерно для отношений младших школьников с педагогом, поскольку для них учитель изначально обладает авторитетом роли и авторитетом личности.

Многочисленные исследования ученых показывают, что дети (жертвы насилия) могут не считать себя страдающими от жестокого обращения, что является следствием действия двух психологических механизмов адаптации: аккомодация к насилию (сознательное отрицание учащимися негативного характера своих переживаний, поскольку признание себя жертвой означает определение себя как чего-то малоценного) и принятие на себя ответственности за факт психологического насилия (оправдание поведения педагогов, что позволяет школьникам поддерживать ощущение контролируемости взаимоотношений с учителем) [3; 6].

Библиографические ссылки

1. Лэйна Д., Миллера Э. Детская и подростковая психотерапия. – СПб.: Питер, 2001. – 448 с.
2. Шейнов В. П. Скрытое управление человеком: психология манипулирования. – М.: АСТ, 2011. – 815 с.
3. Conte J. R. The effect of sexual abuse on children: a critique and suggestions for future research // *Victimology*. – 1985. – № 10. – P. 110–130.
4. Finkelhor D. The trauma of child sexual abuse: two models // *J. of Interpersonal Violence*. – 1987. – Vol. 2, № 1. – P. 348–366.
5. Harter S., Alexander P., Neimeyer R. Long term effects of incestuous child abuse in college women: social adjustment, social cognition and family characteristics // *J. of Consulting Clinical Psychology*. – 1988. – № 56. – P. 5–8.
6. Summit R. The child sexual abuse accommodation syndrome // *Child abuse and neglect*. – 1983. – № 7. – P. 177–193.